

ЛИЛИЯ РОМАНОВА

СВАТ
ВЫ МНЕ
ПРАВИТЕСЬ

Лилия Романова

Сват, вы мне нравитесь

«Автор»

2026

Романова Л.

Сват, вы мне нравитесь / Л. Романова — «Автор», 2026

На первом свадебном совещании отец жениха оказался на полу. Я собиралась помочь ему встать, но сначала пришлось перестать смеяться. Виктор Жданов — агроном, упрямец и будущий сват. Он уверен, что умеет ставить тенты, играть в настольный теннис и спорить с матерью невесты. С последним у него явно не получается. Зато получается смотреть на меня так, что я забываю, кому обещала позвонить. Дочь выходит замуж двенадцатого июля. Нам бы праздник устроить без приключений. А я уже выбираю платье не только ради семейной фотографии и жду прогулки к реке с мужчиной, которого еще недавно собиралась посадить на другом конце стола. Свадьба пройдет. Мы с Виктором останемся. И когда наши молодые впервые всерьез поссорятся, каждому захочется защитить своего ребенка. Только как не потерять друг друга, если за семейным столом вдруг становятся соперниками?

© Романова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стул для будущего родственника	5
Глава 2. Сорок два человека и один тент	9
Глава 3. По списку и от души	13
Глава 4. На вашей стороне сетки	17
Глава 5. Платье без совещания	21
Глава 6. Берег на двоих	25
Глава 7. Накануне чужого счастья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лилия Романова

Сват, вы мне нравитесь

Глава 1. Стул для будущего родственника

Будущий сват сел мимо семейного счастья ровно в тот момент, когда я собралась объяснить ему, как мы рассадим родственников.

За секунду до этого Виктор Жданов уверенно заявил, что стул ни при чем, просто в клубе неровный пол. Поднял его за спинку, переставил, нажал ладонью на сиденье. Стул выдержал. Виктор кивнул нам с видом человека, разобравшегося в вопросе, и сел. Передняя ножка отъехала, как будто ей позвонили и срочно куда-то позвали. Он съехал на пол вместе с сиденьем, удержав в руке спинку.

Даша прижала к губам оба кулака. Леша сделал шаг к отцу и замер, потому что тот уже сидел прямо, широко расставив ноги, и смотрел на оставшийся у него предмет мебели.

— Вы пока не вставайте, — сказала я. — Я вам место на плане обеда. А то сейчас начнем сначала.

Виктор посмотрел снизу вверх. На русых волосах возле виска болталась пылинка, на лице было такое оскорбленное удивление, что я не удержалась. Смех вырвался громко, с подхватом. Дочь немедленно спряталась за мою спину, но это не помогло: у меня между лопаток задержался ее лоб.

— Сначала мне хотели место у двери, — сообщил Виктор сыну. — Теперь вообще на полу. Запомни, Алексей, как нас принимают.

— Пап, ты сам выбрал стул.

— Потому что он был свободен!

— Еще бы, — сказала я.

Он расхохотался, наконец отложил спинку и поднялся, отряхивая ладонями брюки. Леша собрал деревяшки. Мне показалось разумным помочь, и я присела за отъехавшей ножкой, но Виктор придержал ее носком ботинка.

— Не спешите. Это вещественное доказательство. Я говорил про пол, и пол, между прочим, оказался очень близко.

В клубе пахло нагретыми досками и тканью занавеса. За открытым окном шуршал тополь. Двадцать восьмого июня деревня уже выгорела по обочинам, но здесь стояла прохлада, и мы условились встретиться именно в клубе: заведующая разрешила взять для свадьбы часть складных столов, а нам надо было решить, сколько. Я принесла рулетку, карандаш и лист, на котором с утра вывела два ряда столов. На листе были аккуратные прямоугольники, проходы и сорок два маленьких кружка. Пустых кружков уже не осталось. Если бы Виктор не сел, куда не следовало, к этому времени все сорок два человека имели бы места.

Сын принес ему другой стул. Простой, металлический, с коричневым сиденьем.

— Проверять не буду, — предупредил Виктор. — Буду верить людям.

Я вытерла уголком платка выступившие от смеха слезы и разложила лист на столе. Даша вздохнула. Этот вздох я узнавала: она им пользовалась с тех пор, как научилась объяснять мне, что не мерзнет.

— Мам, мы же говорили: никаких отдельных родительских мест.

— Мы говорили: без высокого стола. Здесь везде одинаковая высота.

— Ты нарисовала нам отдельную букву П.

— Это не буква П. Здесь выход.

Леша наклонился к плану, потер подбородок и, ничего не сказав, перевернул лист к себе. Выход внезапно оказался торжественным въездом прямо к молодым. Я забрала карандаш, которым Виктор уже собрался что-то исправлять.

— Сорок два человека, — сказала я. — Кого-нибудь все равно надо посадить с краю. Нельзя устроить круг, у нас не собрание грибников.

— Можно поставить несколько столов, — ответила Даша. — Мы уже посчитали с Инной. Не надо, чтобы все смотрели на нас, пока мы едим. В загсе посмотрят.

Она стояла возле Леша, положив ладонь на его предплечье, и от этого простого жеста я вдруг сбилась. У нее уже было свое «мы». Не то школьное, когда они всем классом хотели на экскурсию и требовали, чтобы я испекла тридцать булочек. Совсем другое, с этим высоким парнем в серой футболке, который два года ходил к нам и старательно не хлопал калиткой. А я еще утром, рисуя схему, оставила Даше место возле себя.

— Я с Галиной согласен, — сказал Виктор. — Старших лучше вместе. Иначе мне придется через весь участок перекидываться с Николаем.

— Папа с Натальей, — напомнила дочь. — Марина с Олегом. Вы все знакомые взрослые люди, сами сможете поговорить. Мы не рассаживаем вас, как на проверочной.

— Николай не списывает, — сказала я. — По крайней мере, девять лет назад не списывал.

Виктор приподнял брови. Я сама удивилась, что так легко упомянула бывшего мужа. Обычно достаточно было сказать «отец Даша», и дальше разговор шел о времени приезда или подарке. Мы давно развелись, каждый жил своей жизнью, и сейчас главным было, чтобы он не забыл праздничные туфли, как однажды забыл на выпускной дочери. Тогда он приехал в дорожных сандалиях и очень сердито фотографировался только по пояс.

Леша придвинул к нам второй лист.

— Мы сделали список групп. Кто с кем давно не виделся, кто хочет сидеть с друзьями. Вот здесь свободные места, можно пересаживаться. И музыкантов не будет. Будет колонка и музыка, которую мы выбрали.

— Я про музыкантов не говорила, — возразила я.

— Ты вчера спросила, не найдется ли человек с баяном.

— Человек с баяном может просто прийти.

Виктор осторожно отвернулся. Плечи у него дрогнули. Я поняла, что теперь смеются надо мной, и на секунду захотела отнять оба листа. Потом увидела, что на Дашином плане между столами действительно можно пройти, никто не сидит спиной к вечеру, а возле края предусмотрено место для вещей. На моем плане так свободно не было.

— Хорошо, — сказала я. — Баянисту откажем еще до знакомства.

— И гирлянду из шаров над нами не нужно, — добавила Даша.

Виктор сразу повернулся.

— Почему? Я узнавал, ее можно заказать недорого.

Леша взял его за плечо и без всякой жалости вернул к столу.

— Потому что мы просили без арки, пап. Ты вчера назвал ее гирляндой, но она от этого меньше не стала.

Я посмотрела на Виктора поверх разложенных бумаг. Он посмотрел на меня. Взрослые, разумные, дали детям заранее оговоренные деньги, обещали не вмешиваться, а теперь сидели вдвоем с отвергнутыми баянистом и аркой. Я закусила щеку. Виктор не справился первым.

— Галина, может, нам отдельный праздник провести? С нашей программой.

— Вам придется опять искать стул.

— Я постою.

После этого дело пошло быстрее. Даша объяснила, как заказана еда и кто ее привезет. Я открыла рот насчет собственного горячего, но дочь опередила:

— Мама, ты будешь в платье. Ты гостья, мама невесты. Ты не выходишь на смену в школьную столовую. Мы все предусмотрели.

— В школьной столовой я хотя бы знаю, где лежат прихватки.

— У Инны тоже узнаешь. Но только если захочешь чаю.

Мне было сорок четыре года, я работала поваром и в своем летнем отпуске очень неплохо обходилась без сорока двух порций. Тем обиднее стало, что отказ от моего невысказанного подвига прозвучал раньше предложения. Я убрала карандаш в сумку и кивнула. Даша заметила мое лицо, обошла стол и сжала мне плечи.

— Я хочу, чтобы ты была рядом. Не приходила на каждую фотографию в последнюю секунду. Помнишь, на выпускном тебя искали?

— Я сама себя тогда искала. В кладовой было темно.

— Вот. Больше не будем.

Я положила ладонь поверх ее пальцев. На ногте у дочери была крошечная точка синей краски: вероятно, снова что-то проверяла в типографии, где работала макетчиком. Накануне она принесла пробные карточки для столов, красивые, простые, и я искренне восхитилась. А потом за ночь переделала всю рассадку.

— Не будем, — согласилась я. — Только карточку Петра Павловича напиши крупнее. Он если не найдет имя, начнет искать номер команды.

Виктор коротко стукнул ладонью по столу.

— Вот с этим полностью согласен.

Мы разобрали складные столы, отмечая целые. Виктор не стал показывать, как надо носить: взял свой край и спросил, удобно ли мне. Я подняла другой. Вес был терпимый, но в дверях мы одновременно решили уступить дорогу друг другу и зажали стол по диагонали.

— Ко мне, — сказала я.

— Нет, лучше ко мне.

— У вас за спиной стена.

— У вас тоже.

Мы оба оглянулись. Даша, не выдержав, велела нам поставить стол, сама придержала дверь и пропустила сначала меня. Виктор вышел следом. На улице мы сгрузили ношу под навес и молча выпрямились. Он прищурился на солнце. По краю ворота у него проступила темная полоска, рукава рубашки были закатаны чуть неровно. Я почему-то подумала, что, если поправить левый, будет лучше, и сразу посмотрела на стол.

У клуба уже раскладывал свою сетку Петр Павлович. В свои шестьдесят семь он умел одним движением привинтить стойку и еще тремя объяснить, почему чужой способ неправильный. Сегодня он принес небольшую дощечку и пытался подложить ее под ножку теннисного стола.

— Опять выравниваете? — спросила я.

— Галочка, у нас мяч уходит вправо.

— Он у вас уходит вправо от ракетки.

— И ты туда же. Агроном! — обратился он к Виктору. — Ты человек с глазомером. Скажи, разве ровно?

Виктор присел, посмотрел вдоль столешницы и уже набрал воздуха. Я кашлянула. Он покосился на меня и поднялся.

— Сегодня по столам заключений не даю.

Петр Павлович пожал плечами и продолжил работу. Ему был важен стол, а не наша встреча. Он пригласил меня на следующий вечер, когда собирались несколько человек играть, и я обещала прийти, если не застряну с делами.

— Вы играете? — спросил Виктор.

— Периодически попадаю по мячу.

— Это она так приглашает, — сказал сосед. — А потом не успеваешь.

Я бросила на него укоризненный взгляд. Виктор, напротив, оживился. Я помнила его таким с деревенских соревнований: стоял под волейбольной сеткой и так горячо объяснял, где была линия, что мальчишка-судья отошел на полшага. Тогда он показался мне шумным. Теперь я увидела знакомую складку между бровями и почему-то захотела провести по ней пальцем, разгладить. Очень неуместное желание при столах, родных детях и чужом споре о сетке.

Леша с Дашей подошли к нам уже без папки. Они отправлялись за какими-то своими делами, которые не стали подробно перечислять. Дочь махнула мне рукой, сын велел Виктору не забыть об условленной примерке тента у Инны. Я собиралась идти на Луговую, и мы остались у клубного крыльца вдвоем.

— Вы сразу домой? — спросил он.

— Через магазин. Надо кое-что купить.

— Тогда я до магазина с вами.

Он пошел рядом. На перекрестке мы одновременно посторонились, пропуская женщину с велосипедом, и опять столкнулись плечами. На этот раз я засмеялась первая.

— У нас с вами транспортные сложности, сват.

— Я пока будущий. Можно еще вернуть, если не подошел.

— Дети будут против. Они уже все заказали.

Он улыбнулся, и я заметила, какие у него светлые, внимательные глаза. Серые, не холодные. Мне пришлось чуть поднять голову, чтобы посмотреть на него прямо. Я знала его много лет: Жданов с Заречной, агроном, отец Леши. Оказалось, этого было совсем мало.

У магазина мы остановились. Виктор сказал, что тридцатого освободится после работы к шести и подойдет к Ковалевым. Я ответила, что буду там же, а потом зачем-то добавила:

— Стул вам приготовим надежный.

— Галина, я бы предпочел, чтобы вы не сажали меня отдельно.

Произнес он это легко. Я успела понять и свадебный смысл, и еще один, менее удобный. Пока выбирала ответ, он уже попрощался и пошел в сторону Заречной. Я вошла в магазин, взяла корзину и несколько секунд смотрела на полку с хозяйственными губками, совершенно забыв, за чем пришла.

Глава 2. Сорок два человека и один тент

Тридцатого июня я пришла к Инне с намерением держать один угол тента и не давать советов. Уже у калитки стало ясно, что намерения придется пересмотреть. Сергей стоял посреди двора, опоясанный белой тканью, и говорил жене, что она может смеяться, но лучше бы нашла выход.

— Выход у тебя со стороны яблони, — сказала Инна. — Я тебе его уже показывала. Ты каждый раз поворачиваешься вместе с ним.

Я поставила сумку на веранду. Сергей смотрел поверх натянутого полотнища, а снизу торчали его рабочие брюки и резиновые туфли. Когда он шагнул вправо, ткань пошла за ним, сбивая сложенные на траве детали. Никакой беды не случилось, но металлический звон вышел обширный.

— Добрый вечер, — сказала я. — Это уже свадебный номер или пока репетиция?

— Это моя попытка выяснить, где верх, — отозвался Сергей. — А Инна стоит и развлекается.

— Я третий раз прошу положить.

Он положил. Оказалось, мы обе могли помогать ему быстрее, но тогда пропало бы начало вечера. Инна присела, расправила край тента и показала ровную полосу креплений. Я взяла другую сторону. Вдвоем мы разложили ткань на расчищенном участке возле веранды. В прокате разрешили заранее примерить тент, и теперь надо было убедиться, что мы вообще умеем его ставить.

Ковалевы не делали из своего двора площадку на все случаи жизни. Инна предложила его именно Даше и Леше, которых знала давно. За домом у нее был широкий ровный кусок газона, с одной стороны яблони, с другой сирень и низкий штакетник. Двадцать гостей легко сидели на веранде, остальным места хватало под тентом. Сорок два человека получались не толпой, а несколькими компаниями. Я уже видела это по Дашиной схеме, хотя первоначальную свою пока не выбросила.

— Договорились ведь только примерить, — напомнила Инна. — Поставили, посмотрели, убрали. На две недели я эту белую палатку себе не оставлю. Сергей будет внутри хранить все, что не влезло в сарай.

— У меня туда все влезает.

— Кроме тебя, когда надо достать лейку.

Сергей пошел за стремянкой, делая вид, что не слышал. Он занимался своей пасекой и сегодня заранее освободил вечер. Оттого мне хотелось справиться быстро, без свадебного собрания до темноты. Я вытряхнула из пакета схему, расправила на лавочке и прижала двумя камешками.

Виктор пришел без десяти шесть. Я заметила это по часам на телефоне, хотя вовсе не ждала его с секундомером. Он был в светлой футболке и темных брюках, с подсохшей полоской пыли на ботинках.

— Не опоздал? — спросил он.

— Пока нет. Ваш выход в середине, когда мы окончательно поссоримся.

— Тогда поспешил. Надо было еще полчаса поработать.

Он поздоровался с хозяевами и присел рядом со схемой. От него пахло солнцем и свежей тканью. Я немедленно занялась самым скучным занятием: стала искать номера на соединительных деталях.

— Тут все просто, — сказал Виктор.

Сергей, несший стремянку, остановился.

— Замечательно. Я с этого начал. У вас есть минут десять.

На схеме детали изображались толстыми и короткими, на траве были длинными и норавлили укатиться под ноги. Я разложила их по буквам. Виктор заявил, что сначала нужно собрать середину, потом края. Я считала наоборот. Мы говорили негромко и очень убедительно, каждый по-своему. Инна некоторое время слушала, потом взяла из моей кучки короткую перекладину и унесла к Сергею.

— Куда? — одновременно спросили мы.

— Попробуем вот здесь. Пока вы читаете.

Нас не позвали руководить, и мы оба остались у схемы.

Я встала с листом и показала Виктору нарисованный угол. Он провел пальцем по схеме и повернулся к лежащим стойкам. На лбу появилась знакомая складка.

— Видите, длинная часть сюда. Тогда с этой стороны получается вход.

— Вход не может смотреть прямо в смородину. У нас гости будут приходить, а не вылупляться из куста.

— Значит, развернем весь тент.

— Вместе со смородиной?

Он хмыкнул. Я уже подняла стойку, чтобы доказать свою мысль действием, но Сергей спокойно попросил положить ее обратно.

— Это верх, Галя.

— Здесь нарисовано внизу.

Сергей подошел. Посмотрел на лист. Потом взял его у меня за два угла и перевернул. Над картинкой появилась крупная надпись, которую я до этого принимала за обозначение обратной стороны. Виктор издал короткий звук и прикрыл рот ладонью.

— Смеяться будете вдвоем, — велела я. — Вы тоже смотрели.

— Я не смеюсь. Я обдумываю, почему у нас были такие широкие ноги и такая узкая крыша.

Инна села прямо на край веранды. Сергей отвернулся к стремянке. Несколько секунд мы честно старались сохранить деловой вид, а потом Виктор захохотал, и я сдалась. Схема дрожала у меня в руках. Теперь стало видно, что все нарисовано разумно, даже старательно. Разумными не были только мы.

— Предлагаю начать без заявлений, — сказал Виктор, когда смог говорить. — Я молча подам детали. Вы молча скажете, что опять не те.

— А когда скажу правильные?

— Тогда я очень удивлюсь, но тоже молча.

Получалось у нас, к счастью, лучше, чем читалось. Сергей собирал одну сторону, мы с Виктором другую. Инна проверяла, не зажали ли ткань. Он спрашивал, держу ли я, и ждал ответа, прежде чем отпускать. Я сначала отвечала резко, будто меня считали слабой, потом поняла, что вопрос действительно относился к креплению, а не ко мне. Одна стойка выскальзывала из ладоней. Виктор передвинул руку ниже моей, мы на мгновение коснулись пальцами, и я зачем-то стала подробней объяснять, куда нужен следующий угол.

Подошли молодые. Даша несла картонную папку с образцами, Леша достал из рюкзака обычный уровень. Он был электромонтером, привык носить с собой небольшие рабочие вещи и при этом совсем не стремился показать, что лучше всех знает, как ставить тенты. Поздоровавшись, он просто спросил Сергея, где пригодится.

— Вот здесь постой и не давай взрослым читать, — ответил хозяин.

— Папе особенно, — добавила я.

Виктор обошел меня с другой стороны, вынул из волос сухой листок и показал на ладони. Ничего особенного не сделал: я задела яблоню, лист прилип. Но кончики его пальцев коснулись моего виска, и насмешливое продолжение у меня пропало.

— Не верьте каждому свидетелю, — сказал он Леше. — Здесь все участвовали.

Когда тент поднялся, мы зачем-то встали под ним впятером, хотя просторнее от этого не стало. Инна осталась снаружи и велела выйти: ей надо было увидеть, куда упадет край тени. Даша разложила на столе образцы карточек. На белом фоне были тонкие зеленые веточки и имена. Я наклонилась поближе.

— Хорошо, — сказала я. — Очень хорошо получилось.

Дочь улыбнулась и сразу выпрямилась, словно до этого ждала слова «но». Я заметила и не добавила ничего. Виктор тоже рассмотрел карточки, затем достал телефон.

— А если сюда фонарики? Простые, без шаров. Я видел небольшие, с дужками. Можно повесить на ленты.

— Да, — сказала Даша. — Мы как раз хотели. Только не цветомузыку.

— Неужели я похож на человека, который вешает цветомузыку на яблоню?

Леша посмотрел на него долгим сыновним взглядом. Виктор убрал телефон.

— Один раз. И это было не на яблоне.

Мы уселись на веранде пить воду и проверять то, что еще оставалось сделать. Сергей отодвинул локтем Иннину стопку книг, приготовленных к отправке в районную библиотеку, и получил справедливое замечание. Инна подала нам пустую коробку: если все так хотят перекладывать вещи, вот прекрасное поле деятельности. Я помогла ей упаковать книги, пока Даша объясняла Виктору, какие именно фонарики нужны.

За разговором я не сразу заметила, как Леша взял одну из карточек и начал загибать край, чтобы она стояла. Даша остановила его:

— Не сейчас. Они еще без готового сгиба.

— Да я посмотрю только.

— Ты залом сделаешь.

Он положил карточку. Ничего страшного не произошло, но дочь нахмурилась, а я уже приготовилась защитить ее работу. Инна, не поворачивая головы, сунула мне следующую стопку.

— Галка, эту тоже оберни. Без узла, мне потом открывать.

Пока я возилась с бумагой, Даша сама показала Леше, как будут стоять карточки, он спросил, на всех ли одинаковые веточки, и они заговорили вполне спокойно. Я потуже завернула стопку, спохватилась и ослабила сгиб. Виктор в это время уточнял у Сергея, во сколько тот сможет помочь утром двенадцатого.

— А белые чехлы на стулья? — вдруг спросил Виктор.

Я подняла голову. Даша и Леша уставились на него одновременно.

— Я просто выясняю! — Он поднял ладони. — Вопрос можно задавать?

— Можно, — сказал сын. — Ответ нет.

— Быстро у вас.

— Это чтобы ты не успел заказать.

Я засмеялась. Виктор посмотрел на меня с притворным укором.

— Галина, я надеялся на поддержку.

— У вас прекрасные стулья. Одного уже нет, но остальные справятся без нарядов.

— Тогда и родителям можно в рабочем.

— Попробуйте. Я вас возле калитки разверну.

Даша забрала свою папку и встала. Им с Лешей надо было успеть в Озерск, посмотреть выбранную для свадебного утра прическу и забрать еще один заказ. Они не объясняли, кто куда пойдет, я не спрашивала. В квартире, которую они собирались снимать после свадьбы, оставались какие-то мелкие дела, но дочь говорила о них без тревоги, и мне не было причины добавлять ее от себя.

Тент мы разобрали уже вчетвером. Теперь схема лежала правильно, и каждый помнил свою часть. Солнце сдвинулось за яблони, по траве легли длинные полосы. Я держала край

ткани и чувствовала приятную усталость в руках. Виктор складывал напротив. Мы одновременно потянули каждый к себе и снова посмотрели друг на друга.

— Кто уступает? — спросил он.

— Тот, кому нужнее ровно.

— То есть оба будем стоять?

Я сделала шаг к нему. Он тоже шагнул вперед, между нами провисло широкое белое полотно. Мы оказались ближе, чем требовалось для складки. Он мог бы пошутить, но только улыбнулся и опустил глаза на мои руки.

— Вот так хорошо, — сказал он.

Я знала, что он говорит о ткани. Все равно почувствовала, как улыбка сама появилась у меня на лице.

У калитки мы догнали друг друга уже без свадебных вещей. Виктор нес пустую бутылку до контейнера, я искала в сумке телефон. Инна крикнула мне с веранды, чтобы завтра заглянула за книгой, которую просила. Сергей потребовал не обещать весь завтрашний вечер: ему хотелось, чтобы жена пошла с ним к реке. Они спорили без нас, привычно и увлеченно.

— Второго я еду в Озерск после обеда, — сказал Виктор. — Леша прислал список. Могу вас взять, если тоже собираетесь.

— Собираюсь. Даша просила забрать ленты и зажимы. Только давайте без чехлов.

— И без баяна?

— Баян в список не поместится.

Он посмотрел на меня, чуть наклонив голову.

— Тогда в два за вами? На Луговую.

Я согласилась. До моего дома было ближе, и возле поворота Виктор остановился, пропуская меня на узкую дорожку. Пожелал хорошего вечера. Я ответила тем же и пошла, не оглядываясь. Только у своей калитки все-таки обернулась: он уже свернул на Заречную.

В кармане завибрировал телефон. Даша прислала фотографию карточек и спросила, правда ли мне понравились. Я написала: «Правда. Ничего не меняй». Потом открыла список покупок на второе июля, вычеркнула лишний пункт и долго выбирала, в чем поехать. Для лент и зажимов любой одежды хватало. Мне почему-то не хватало любой.

Глава 3. По списку и от души

Второго июля ровно в два часа я вышла на крыльцо с сумкой, списком и совершенно ненужным белым поясом. За последние двадцать минут пояс успел побывать на мне, на спинке стула и снова на мне. Теперь я решила, что без него лучше, и торопливо стянула его у калитки. Именно в этот момент остановилась темно-серая машина Виктора.

Он опустил стекло.

— Помочь?

— Поздно. Я уже победила.

Я свернула пояс и сунула в сумку так глубоко, чтобы он больше не участвовал в поездке. Виктор вышел, поздоровался и открыл багажник для пустых пакетов. Я села вперед. В машине не было ни торжественной чистоты к важной гостье, ни беспорядка, которым мужчина заранее оправдывает все вокруг. На заднем сиденье лежала ветровка, в кармане двери карта района, возле рычага передач карандаш и два чека.

— Список взяли? — спросил он.

— Один. Ваш не дублирует?

Мы сравнили телефоны. Леша прислал ему те же зажимы, что Даша мне. Ленты в списках отличались на оттенок.

— Салатовый и светло-зеленый, — прочитал Виктор. — Это ведь одно и то же?

— Спросите у Даши, когда будет готова держать себя в руках.

Он тут же набрал сыну, включил громкую связь и выяснил, что нужен заказ, уже отложенный на имя Дарьи Беловой, а не наш свободный выбор. Я позвонила дочери. Она сказала то же самое и уточнила, что карточки сейчас печатаются, их Леша заберет сам.

— Нам оставили самое безопасное, — заметил Виктор, когда мы выехали с Луговой.

— Не недооценивайте нас. Мы можем купить не те пакеты.

До Озерска было двадцать четыре километра, около получаса на машине. Я ездила туда часто, но обычно в автобусе: выбирала место у окна и за тридцать пять минут успевала решить половину собственных дел в уме. Сегодня решения не давались. Я смотрела на руки Виктора на руле, на светлую щетинку возле уха и на то, как он чуть прищурился перед поворотом. Потом сердито перевела взгляд на дорогу.

У поля стояла машина с поднятым капотом, а возле нее — мужчина. Рядом женщина держала большой букет укропа и объясняла что-то так выразительно, что укроп участвовал каждым стеблем. Я прыснула. Виктор посмотрел в ту сторону и спросил, что случилось.

— Представила, что он купил цветы, а она попросила практичнее.

— Может, они с огорода едут.

— Может. Но моя версия красивее.

Через несколько секунд он сам засмеялся.

— Теперь не смогу забыть. Скажите, а если сельдерей, это уже серьезные намерения?

— Сельдерей только после знакомства с родителями.

Мы еще немного глупо поговорили о букетах из огорода. Шутки были не такие, чтобы рассказывать их потом знакомым, и оттого особенно приятные. Я давно не сидела рядом с мужчиной, которому можно было сообщить первую пришедшую в голову нелепость и получить в ответ вторую, без снисходительного «ну ты скажешь».

На въезде в Озерск Виктор спросил, где удобнее остановиться. Я знала магазин, показала двор и короткий проход. Оказалось, парковка там теперь была закрыта, и нам пришлось объехать дом. Я приготовилась выслушать замечание о женских маршрутах, но он только заметил:

— Зато посмотрели, как тут покрасили забор. Познавательная поездка.

— Вы все ошибки так принимаете?

— Нет. Свои гораздо хуже.

Он сказал это с улыбкой, но я вспомнила перевернутую схему тента и решила, что верю.

В магазине праздничных принадлежностей было тесно. С потолка свисали блестящие ленты, возле кассы стояли два крупных искусственных цветка, каждый с голову продавщицы. Наш заказ нашли сразу: аккуратный пакет с лентами, креплениями и небольшими фонариками для примерки. Остальные фонарики Виктор собирался забрать ближе к свадьбе, когда молодые решат, сколько им нужно.

Пока продавщица сверяла бумагу, он подошел к стойке с бутоньерками. Я открыла список, чтобы не забыть еще упаковочную бумагу, и услышала за спиной:

— Галина, мне сказали, что свидетелей уже не назначают. А главного по стульям можно?

Я обернулась. На груди у него висел огромный розовый цветок с двумя искусственными листьями и белым пером. Цветок был предназначен, вероятно, для какой-нибудь совсем иной задачи, но Виктор уже пристроил его к вороту футболки и держал двумя пальцами.

— Можно, — сказала я серьезно. — Только вы за этим цветком не увидите, куда садитесь.

— Зато всем понятно, что человек при должности.

Он повернулся к узкому зеркалу между полками. Перо щекотнуло ему подбородок, Виктор попытался отодвинуть его губами и внезапно оказался еще смешнее. Я рассмеялась так, что продавщица выглянула из-за пакета.

— Это на машину, — сообщила она.

Мы оба замолчали. Потом Виктор посмотрел на розовый цветок у себя на груди и медленно кивнул.

— Да. Теперь размер понятен.

Я уже не могла говорить. Он снял украшение и осторожно вернул на место, а продавщица вдруг тоже улыбнулась. Мы вдвоем посмеялись и вернулись к заказу. Когда я достала деньги за оставшуюся мелочь, Виктор не начал спорить и платить за все. Мы заранее разделили покупки по спискам, и он просто положил свои рядом.

На улице я остановилась у стены, прижимая пакет к животу.

— Вы хоть знали, что это не на пиджак?

— Сначала нет. Потом стало подозрительно. Но я уже начал.

— А перо?

— Перо мне понравилось.

Он посмотрел на меня так открыто, что у меня снова задрожали губы от смеха, но на этот раз я только улыбнулась. Я все еще улыбалась, хотя цветок давно остался в магазине.

— У вас красивый смех, — сказал Виктор.

Я опустила глаза на пакет. Ленты внутри оказались перепутаны с ручками, и я занялась ими слишком усердно.

— Очень слышный. В школе через две двери находят.

— Я не про громкость.

Я подняла голову. Он не отвел взгляд. На улице прошел автобус, заглушив шумом короткую паузу, и я была ему благодарна.

— Спасибо, — ответила я. — Мне тоже сегодня весело.

Надо было забрать бумагу из соседнего магазина. У входа я заметила женщину с короткой стрижкой и двумя сумками. Она увидела Виктора, подняла руку, потом перевела взгляд на меня.

— Галина, здравствуйте. А я думаю, кто так смеется.

Это была Марина, Лешина мать. Мы встречались прежде на общих школьных мероприятиях, потом у молодых на дне рождения. Она работала товароведом в Озерске и всегда казалась мне собранной даже с тремя пакетами в руках. Сегодня на ней была свободная льняная рубашка и яркие серьги.

Виктор взял у нее одну сумку, чтобы она переставила папку поудобнее. Марина поблагодарила, забрала сумку обратно и спросила, удалось ли найти фонарики. Не было в ней никакого особенного выражения, которое следовало бы расшифровывать. Я все равно на мгновение выпрямилась и подтянула свою сумку выше, будто предстала перед проверяющей.

— Удалось, — ответил Виктор. — И едва не купили мне цветок.

— Опять огромный?

Он вздохнул. Я посмотрела на него с новым интересом.

— Не опять, — сказал он. — Другой.

Марина рассмеялась и объяснила, что однажды Виктор привез из магазина букет, который занял почти всю кухню. Он возразил, что букет был обычный, просто кухня маленькая. Спор закончился за полминуты: Марине надо было идти, а нам бумагу забрать. Я стояла рядом без потребности вставить что-нибудь умное.

— Мы с Олегом приедем прямо к регистрации, — сказала она. — Леша я сообщила, но он у вас сейчас все записывает в три места и все равно переспрашивает.

— В меня, — заметил Виктор.

— В тебя он спорит с записанным.

Она пожелала нам удачи и ушла. Виктор проводил ее взглядом, затем повернулся ко мне.

— Бумага?

— Бумага, — согласилась я.

Я не стала спрашивать, давно ли у нее Олег, кто от кого ушел и кому остался тот огромный букет. Мне самой не понравилось бы рассказывать историю с Николаем стоя между банкоматом и витриной. Виктор тоже не предложил оправданий. Мы нашли нужную плотную бумагу и отнесли пакеты к машине.

Я уже взялась за ручку дверцы, когда он остановился.

— Галина, мы никуда не опаздываем?

— Я нет. Вы?

— Тоже нет. Хотите зайти выпить чаю? Здесь недалеко небольшое кафе. Без списка. Просто посидеть со мной.

Он не спрятал приглашение за словами о жаре или усталости. Я посмотрела на него и вдруг почувствовала себя немного неловко именно потому, что поняла правильно. Можно было ответить шуткой, сделать вид, что мне срочно требуется чай. Я не стала.

— Хочу, — сказала я. — Только пакеты оставим. Я не готова знакомить с собой ленты.

В кафе мы сели у окна. Я выбрала чай с лимоном, он простой черный. Десерт взяли один на двоих, потому что оба не были голодны, а пирог оказался слишком большим для человека, который уверял, что только выпьет чаю. Виктор делил его ребром вилки и все время отдавал мне большую половину. Я поменяла тарелки местами.

— Не надо меня подкармливать. Я сама себе умею отрезать.

— Это я пытался незаметно получить больше корочки.

Мы поменяли обратно. Я поняла, что мне нравится не только смеяться с ним. Нравилось, как он сидел, чуть выдвинув одно плечо, как слушал, не осматривая зал за моей спиной, как не боялся помолчать после вопроса.

Он спросил о школьном отпуске, я рассказала про последнюю перед ним неделю, когда дети считали не дни до лета, а оставшиеся обеды. Одна девочка торжественно попросила передать котлетам, что будет скучать. Виктор засмеялся и сказал, что агроному такого не говорят.

— Вас, наверное, спрашивают, когда дождь.

— Даже если я пришел за хлебом. Иногда кажется, что меня принимают за человека, у которого он лежит в багажнике.

— И вы никому не даете.

— Особенно когда сено сушат. Тогда я виноват, если дам.

Он рассказал о работе без длинных названий и желания впечатлить. Ему нравилось видеть, как меняется поле, нравилось знать его не по фотографии, а по утрам и вечерам. При этом он вполне мог сердиться на ранние звонки и спорить с начальством. Я слушала и ловила себя на том, что раньше обозначение «агроном» представлялось мне целой личностью. А теперь за ним оказался мужчина, который не любил остывший чай и всегда замечал воду в придорожных канавах.

— Вы в Бережках остаетесь? — спросила я и сразу поморщилась. — Глупый вопрос. Конечно, остаетесь. Я имела в виду, никогда не хотелось уехать?

— Хотелось съездить. Уехать совсем не очень. Здесь у меня работа, река, дом. Не всем же хотеть одно и то же. А вам?

Я провела пальцем по краю чашки. Можно было много сказать, но не сегодня, не за первым чаем. Я ответила, что люблю нашу деревню и иногда хочу выбраться на день куда-нибудь, где никто не знает, сколько лет моей дочери. Виктор кивнул без дополнительных вопросов.

— Тогда можно выбраться, — сказал он. — В город тоже надо иногда приезжать не за зажимами.

По дороге домой мы говорили меньше. В машине было тепло, я приоткрыла окно, подставила ветру ладонь. Виктор спросил, не дует ли мне. Я ответила, что именно этого и добивалась.

У калитки он помог вынуть пакеты и поставил их на скамейку. Отдавая последний, задержал взгляд на моем лице.

— Хорошо съездили.

— Очень, — сказала я. — Даже без цветка.

Он улыбнулся и уехал. Я занесла покупки в дом, сверила список и обнаружила, что упаковочную бумагу взяла ровно ту, которую просила Даша. Ленты были правильные, зажимы тоже. Ничего не забыли. Я положила лист на стол и только после этого достала из сумки белый пояс. Посмотрела на него, рассмеялась и повесила обратно в шкаф.

Глава 4. На вашей стороне сетки

Четвертого июля на теннис я собиралась как на теннис. Надела удобные брюки, футболку, завязала волосы. Потом увидела в зеркале, что выбившаяся прядь лежит удачно, распустила хвост и завязала еще раз, стараясь повторить случайность. Случайность не повторилась. Я сердито отложила расческу и вышла с третьим вариантом, который уже никто не должен был оценивать.

У клуба стучал мяч. Петр Павлович сидел за маленьким столиком с клетчатой тетрадью, рядом лежал карандаш на веревочке. Сосед всегда утверждал, что веревочка нужна от ветра. Я подозревала, что от участников.

— Опоздала, — сказал он.

— Мы не на поезд. У меня время есть.

— У тебя есть, а у сетки перекося. Посмотри.

Я осмотрела сетку. Она висела вполне прилично. Под правой ножкой стола белела та самая дощечка, которую Петр Павлович два дня укладывал с великим трудом. Теперь ему мешало, что края стола после выравнивания стали не совсем совпадать.

— Может, уберем? — предложила я.

— И снова наклон?

— Нам же бегать надо, а не воду наливать.

Он посмотрел на меня с разочарованием. У стола играли две женщины из магазина, сосредоточенно и без криков. Я присела рядом, дождалась конца партии и попросила ракетку. Петр Павлович, как выяснилось, уже внес меня в свой список.

— А с кем я?

— С Виктором.

Я посмотрела через плечо. Виктор стоял возле крыльца, разговаривал с мужчиной в рабочей куртке. Увидел меня, коротко поднял руку и договорил, не бросая собеседника посреди фразы. Я успела сделать вид, что это не имеет никакого значения, потом взяла мяч и уронила его под скамейку.

— Сначала он, — строго сказал Петр Павлович. — Я жеребьевку уже провел.

— С кем?

— С собой. Ты поздно пришла.

Пришлось лезть под скамейку. Когда я выпрямилась, Виктор был рядом. В руке у него находилась своя ракетка, старая, с потертой кромкой. Это сразу показалось мне подозрительным.

— Вы вооружились, — сказала я.

— А вы рассчитывали, что я рукой?

— Рассчитывала, что будете великодушны.

— Во время игры не обещаю. После посмотрим.

Он улыбнулся, и мне стало гораздо спокойнее. С играющим мужчиной было проще, чем с мужчиной, который пригласил тебя выпить чаю без списка. Тут хотя бы можно было честно победить и не думать, как выглядишь в процессе.

Виктор начал уверенно. Подавал быстро, перемещался неожиданно легко для такого крупного человека и после каждого удачного мяча чуть кивал сам себе. Я сначала привыкала к его темпу. Он сразу повел в счете, и Петр Павлович удовлетворенно записал цифру, словно заранее был прав.

— Вы не торопитесь, — посоветовал Виктор.

Я посмотрела на него поверх сетки.

— Спасибо. Еще советы будут?

— Есть несколько.

— Приберегите до проигрыша.

Он засмеялся и подал. Я вернула мяч коротко, ближе к сетке. Виктор рванулся вперед, успел, но следующий уже ушел в другой угол. Он остановился, прищурился на меня и качнул ракеткой.

— Так вы умеете.

— Периодически попадаю.

Женщины на скамейке захлопали. Я не обернулась: слишком хорошо было видеть его лицо. Теперь он перестал помогать советами и принялся играть всерьез. Мяч летал между нами, короткие удары отдавались в ладони. Я чувствовала теплый воздух на щеках, упругость земли под подошвами и свой азарт, который никак не хотел быть скромным. Один раз промахнулась так широко, что махнула ракеткой возле самого уха, и Виктор немедленно заметил:

— Этот удар был предупреждением?

— Вам пока рано знать все приемы.

В конце партии я стала осторожнее. Виктор это заметил и начал гнать мяч к краю. Один отскочил от угла и ушел в траву. Петр Павлович объявил очко мне. Виктор поднял руку.

— Бок.

— Верх, — сказал сосед.

— Он ударился ниже кромки.

Я опустила ракетку. Виктор подошел к столу и провел пальцем по краю, показывая, где именно был мяч. Я подошла с другой стороны. Он наклонился, я тоже, и мы оказались над одной царапиной, как люди, нашедшие на деревенском столе важную надпись.

— Давайте переиграем, — предложила я.

— Почему? — возмутился Петр Павлович. — Я видел.

— А я иначе видел, — сказал Виктор.

— У вас стол все еще кривой, — сообщила одна из женщин со скамейки.

Все посмотрели на дощечку. Петр Павлович встал, но я вовремя положила ладонь на стол.

— Не трогайте. Нам осталось два мяча. Потом хоть фундамент подводите.

Виктор еще секунду смотрел на кромку. Потом поднял голову и улыбнулся виновато, но не совсем.

— Переиграем?

— Давайте.

Я выиграла спорное очко заново. Последнее он отдал сам: слишком рьяно ударил, и мяч улетел за лавочку. Виктор некоторое время стоял, уперев свободную руку в бок, потом пошел за мячом. Я ждала у стола, сдерживая довольную улыбку. Когда он вернулся, мне захотелось предложить ответную партию, дать возможность исправить настроение. Я уже набрала воздуха, но он протянул руку через сетку.

— Хорошо играете. Я рассчитывал легче отделаться.

Я пожала ему ладонь. Она была теплая, чуть влажная. Он не задержал мою руку нарочно, но я все равно успела заметить, как легко мои пальцы поместились в его.

— Зря, — сказала я. — Я вас предупреждала.

— Вы говорили, что иногда попадаете. В следующий раз буду внимательно слушать такие признания.

Мы освободили стол. Петр Павлович немедленно полез за дощечкой. Оказалось, теперь он решил заменить ее другой, тоньше. Виктор присел рядом и, прежде чем я успела возмутиться, придержал стол за угол. Сосед провел замену с видом человека, исправляющего историческую ошибку.

— Теперь ровно, — объявил он.

— Тогда мой проигрыш был на неровном? — спросил Виктор.

Я ткнула его ракеткой в плечо.

— Даже не начинайте.

Он расхохотался и поднялся. Я ушла на скамейку пить воду. Спустя минуту Виктор сел рядом, оставив между нами место для ракеток. Он смотрел, как играют другие, иногда коротко комментировал удар, но уже никого не учил. Я спросила, давно ли он играет.

— Со школы. Потом бросал, возвращался. У нас в хозяйстве одно время стол стоял, пока на него не начали складывать все подряд. После того как поверх сетки положили запчасть, я решил, что пора уходить в другое место.

— Я школьниц иногда учила. Вернее, пыталась. Они хотели только сильно бить. Я говорила: сначала попасть. Они отвечали: так неинтересно.

— Я их понимаю.

— Я заметила.

Он повернул ко мне лицо. На висках темнели волосы, седина стала заметнее. Он все еще поглядывал на стол, где теперь играли другие. Я и сама сегодня наговорила лишнего, но сейчас опять хотелось его поддеть.

Виктор взял бутылку, закрутил крышку и спросил:

— После игры пройдемся? Просто так. Не к Инне что-нибудь измерять.

Я посмотрела на небо. С той стороны, где шла дорога к реке, собирались сероватые облака.

— Пройдемся. Если нам дадут.

— Кто?

Я показала вверх. Виктор серьезно прикинул и сказал, что до дождя успеем. На этот раз я не стала спорить с агрономом.

Мы вышли от клуба, когда первые крупные капли уже оставляли темные кружочки на пыли. Виктор посмотрел на небо с таким видом, словно оно не выполнило устную договоренность. Я не удержалась:

— Из багажника достали?

Он засмеялся.

— Ненадолго. Сейчас уберу.

Дождь пошел сильнее. Мы не побежали через всю деревню: завернули под широкий навес возле боковой двери клуба, где стояла скамья для тех, кто выходил передохнуть между занятиями. Крыша гремела, воздух пах пылью, которую наконец намочило. Я села, вытянула ноги. Виктор устроился рядом. Между нами снова было немного места, но уже без ракеток.

— Прогулка получилась короткая, — сказала я.

— Зато место с крышей. Я предусмотрительный.

— Очень. Особенно когда смотрите схему.

Он покачал головой, будто все еще не мог простить мне память. Мы помолчали, слушая дождь. Я вдруг поняла, что не думаю ни о списках, ни о Дашином платье, ни о количестве стульев. Мне хотелось сидеть здесь. В футболке, с прилипшей к щеке прядью, возле мужчины, которому я только что не дала выиграть.

— Вы быстро ходите, — сказал он.

— А вы медленно?

— Иногда. Когда не спешу.

— Я и когда не спешу, быстро хожу. Потом могу остановиться и смотреть, как кто-то из канавы мяч достает, минут десять. Но между остановками иду быстро.

— Учту. Буду догонять до канавы.

Я улыбнулась. Он спросил, люблю ли я реку. Я сказала, что купаюсь с Инной, когда получается выбраться, и люблю воду утром, пока никого нет. Виктор возразил, что вечером лучше: теплее и никуда уже не надо. Мы поспорили без победителя. Он признался, что ему нравятся

старые деревянные лодки, хотя с ними много возни. Мне они казались неудобными, потому что надо сидеть там, где тебя посадили, и не качаться.

— Так качаться и не надо, — сказал он.

— Вот. Вы еще лодку не показали, а уже запретили.

— Я постараюсь молча тревожиться.

Дождь дробно сбегал с крыши возле наших ног. От прохлады на руках выступили мелкие мурашки. Виктор заметил, спросил, не хочу ли я вернуться в клуб. Я покачала головой.

— Здесь хорошо. Мне не холодно, просто после игры.

Он кивнул и подвинулся, освобождая более сухое место, куда не долетали брызги. Мне пришлось сесть ближе. Наши плечи почти соприкасались, и эта почти возникшая близость занимала меня сильнее любого разговора.

— А дома вы что делаете, когда никого нет? — спросила я.

— По-разному. Иногда читаю. Иногда долго выбираю, что почитать, а потом оказывается, что уже ночь. Могу музыку включить. Могу сидеть на крыльце и ничего не делать, но это плохо получается: сразу замечаю какую-нибудь ерунду, которую надо убрать.

— У меня так же. Только я могу эту ерунду переставить в другое место и честно считать, что убрала.

— Это хороший способ. Надо попробовать.

Он спросил про мое свободное время, и я рассказала, как однажды пошла с Инной за ягодами, а мы увлеклись разговором и вернулись с пустыми банками. В другой день, когда собрались просто пройтись, набрали полную сумку. Виктор уточнил, куда делись ягоды. Я ответила, что мы их съели, конечно. А куда им еще было деваться.

Тучи прошли быстро. Из-под навеса мы вышли в чистый свет, и я наступила в лужу, которую прекрасно видела. Виктор посмотрел на мой мокрый кед, потом на меня. Я подняла палец:

— Ни слова.

— Я хотел сказать, что вода теплая.

Мы дошли до Луговой не самым коротким путем. Я заметила это на втором повороте, но поправлять не стала. Он тоже ничего не объяснял. У дома остановился, не заходя за калитку, и спросил, когда увидимся снова. Я сказала, что шестого он собирался забрать коробку украшений, которую Даша готовила для участка.

— Это по делу, — уточнил он.

— Да.

Он не сразу ответил. Я держала ладонь на щеколде, улыбалась и ждала. От мокрой травы поднимался прохладный запах, с крыши падали последние капли.

— Тогда до шестого, — сказал он. — А без дела тоже увидимся.

Я кивнула. Когда закрыла калитку, на лице все еще держалась улыбка, которую я не пыталась убрать. В доме было тихо: Даша еще не вернулась из Озерска. Я сняла мокрую обувь и поставила возле двери. В сумке отыскался мяч, который я машинально убрала после игры. Чужой, клубный. Я подбросила его на ладони, поймала и положила в наружный карман сумки. Завтра зайду отдать.

Глава 5. Платье без совещания

Шестого июля Даша попросила меня не советовать, пока она не выйдет из комнаты. Я сидела на краю кровати с расправленной юбкой на коленях и поэтому согласилась. Через секунду дочь выглянула из-за двери.

— И лицо сразу не делай.

— Какое?

— То самое. Ты еще ничего не сказала, а уже понятно, где коротко и что надо прикрыть.

— Я просто посмотрю.

Она скрылась. Я проверила лицо в зеркале. Получилась женщина, которая старательно не собиралась ничего выражать. Гораздо подозрительнее обычного.

Даша вышла босиком. Белое платье было простое, с мягкой юбкой и красивой линией плеч. Мы выбирали его вместе, но в магазине дочь стояла на небольшом подиуме, рядом ходила продавщица, мешала штора примерочной. Сейчас она оказалась дома, возле моего шкафа, на дверце которого еще оставался маленький след от старой наклейки. Я увидела все сразу: платье, ее руки, светлое лицо, решительно поднятый подбородок. И то, как она ждала моего слова, хотя заранее запретила слишком много говорить.

— Даш, ты очень красивая, — сказала я.

Она медленно выдохнула.

— Правда?

— Нет, я со стулом разговариваю. Конечно, правда. Повернись.

Дочь повернулась. Я поправила складку у талии, но не стала трогать больше ничего. Ей шло именно это платье, а не то, в котором я представляла ее еще несколько месяцев назад. У того воображаемого было гораздо больше ткани и почему-то совсем не было Дашиной привычки класть ладонь на бок, когда она ждала.

— Не слишком просто? — спросила она.

Я подняла голову. Дочь посмотрела на меня сердито, заранее угадав торжество.

— Только не начинай. Я не передумала. Просто иногда смотрю чужие фотографии и думаю: у них там все сияет, а у нас столы и яблони.

— У нас еще сват с пером, — сказала я.

Даша засмеялась. Я уже рассказывала ей про цветок для машины, но в подробностях, кажется, еще не надоела.

— Не надо перо. Леша сказал, папе нельзя предлагать ничего смешного, он сразу согласится.

— Ты сейчас очень похожа на меня.

— Когда запрещаю?

— Когда уверена, что знаешь человека лучше него самого.

Она посмотрела внимательно. Я не стала развивать мысль, только протянула ей туфли. Даша обулась, прошла по комнате, остановилась возле зеркала и улыбнулась своему отражению. Мне стало так тепло, что я отвернулась и принялась складывать ненужную упаковочную бумагу.

— Мам, теперь ты.

— Я потом. Надо твою длину посмотреть.

— Посмотрели уже. Я не стану за пять минут ниже.

Мое платье висело на дверце шкафа. Васильково-синее, в мелкий белый рисунок, со свободными рукавами. Оно нравилось мне еще в магазине, но потом я несколько раз пыталась решить, чье мнение мне нужно. Инне? Она скажет «хорошее» и спросит, удобно ли сидеть.

Даше? Дочь выбрала его вместе со мной. Соседке? У соседки была привычка рекомендовать всем бежевое, от штор до зимних сапог.

Я надела платье и повернулась к дочери. Даша сразу улыбнулась. Я знала эту улыбку с детства, когда ей удавалось убедить меня сделать что-нибудь хорошее для себя и при этом не объявить это наградой за тяжелый труд.

— Вот, — сказала она. — И больше ничего придумывать не надо.

— Я и не придумываю.

— У тебя три других платья на стуле.

Я посмотрела на стул. Улики лежали ровно, по цветам.

— Это не варианты. Это я шкаф разбирала.

Дочь покачала головой. Мы встали рядом перед зеркалом, она в белом, я в синем. Я не искала в отражении недостатков. Мне нравились мои плечи, складки ткани на груди, то, как юбка двигалась вместе со мной. Но стоило вспомнить Виктора, как захотелось поправить все сразу: волосы, ворот, выражение лица.

— Ты сегодня веселая, — сказала Даша.

— У нас свадьба через шесть дней. Мне положено рыдать?

— Нет. Мне нравится.

Она не стала расспрашивать. Я была ей за это благодарна и одновременно удивлена: мне самой в ее возрасте наверняка захотелось бы выяснить подробности. Дочь повернулась спиной и попросила помочь с застежкой. Пока я расстегивала платье, она заговорила про квартиру в Озерске: надо было докупить сушилку и придумать, куда поставить торшер, который им отдавала Марина. Я немедленно предложила свою сушилку, потом вспомнила, что пользуюсь ей через день.

— Купим, мам. Мы уже выбрали небольшую.

— Хорошо. Я просто подумала, у меня есть.

— И у тебя белье есть.

Мы рассмеялись. Даша сняла туфли и вдруг села на кровать, все еще в расстегнутом платье.

— Ты не будешь очень одна?

Я присела рядом. На улице кто-то провез тележку, ее колесо поскрипывало в одном и том же месте. Я подумала о тихой кухне, куда дочь больше не будет прибегать с просьбой найти второй носок перед автобусом. Мне действительно предстояло привыкать. Только хотелось, чтобы она сейчас встала с кровати не виноватой.

— Буду скучать по тебе, — сказала я. — И буду радоваться, когда приедешь. Но очень одна не буду. У меня Инна через улицу, работа, Петр Павлович со своим столом. Я тебя не для того растила, чтобы ты в двадцать два года оставалась моим постоянным вечерним занятием.

Даша положила голову мне на плечо.

— Я все равно буду звонить.

— Конечно. Мне же надо знать, купили вы сушилку или до сих пор сушите носки на Леше.

Она толкнула меня локтем. Я прижала ее на секунду крепче, потом поднялась, чтобы помочь снять платье и повесить его аккуратно. Даша ушла в свою комнату переодеваться. Я же осталась в синем: коробка с украшениями еще не была закрыта, и я решила закончить ее, прежде чем опять раздеваться.

Внутри лежали бумажные веточки, запасная лента и небольшие зажимы. Дочь делала часть украшений сама и подписала каждый пакет, чтобы никто не начал прикреплять их туда, где они понравились лично ему. Я проверила надписи и улыбнулась, увидев на одном: «Не растягивать. Это готовая длина».

Калитка щелкнула. Я услышала шаги и вспомнила про часы только в ту секунду, когда Виктор постучал в открытую дверь.

— Можно?

— Заходите. Я сейчас коробку...

Он остановился на пороге кухни. Я стояла возле стола, держа рулон ленты. Несколько секунд он смотрел на меня молча. Не растерянно и не с обязательной вежливостью. Внимательно, так, что мне захотелось остаться на месте и одновременно пройти по комнате.

— Галина, — сказал он. — Очень красиво.

— Коробка?

— Нет. Вы.

Я могла бы продолжить шутку. Сказать, что коробка тоже хорошая, или пожаловаться на то, сколько времени выбирали платье. Вместо этого опустила рулон на стол.

— Спасибо. Мне самой нравится.

— Правильно нравится.

Он улыбнулся, и я не удержалась:

— А ваше заключение окончательное? Или надо проверить пол?

Виктор рассмеялся. От напряжения осталось приятное тепло, которое я не стала ни прятать, ни объяснять. Он подошел к столу и прочитал предупреждение на верхнем пакете.

— Это мне?

— Всем. Но вы можете считать личным.

— Я в прошлый раз один угол держал. Остальное Сергей.

— Вы в прошлый раз собирались развернуть смородину.

Он засмеялся и попытался поднять коробку. Я остановила: крышка еще не держалась. Взяла ленту, отрезала нужный кусок. Виктор придержал картонную створку. Мы работали рядом слишком близко для обычной коробки, но я не отодвинулась. Его рука была возле моей, короткий светлый волосок прилип к полоске клея. Я сняла его ногтем, и Виктор почему-то замолчал.

Из комнаты вышла Даша. Сказала, куда именно поставить коробку у Инны, напомнила про фонарики. Мы оба немедленно стали деловыми, и от этого мне самой стало смешно. Дочь ничего не заметила или не подала виду. Ей позвонил Леша, она ушла на крыльцо обсуждать сушилку, и мы опять остались вдвоем.

— Я не задерживаю? — спросил Виктор.

— Вы еще даже коробку не унесли.

— Я бы, пожалуй, задержался. Но сегодня обещал закончить кое-что на работе. Заехал по дороге.

— Тогда идите. А то я пока еще не научилась сворачивать смородину и за вас не справлюсь.

Он поднял коробку, дошел до двери и обернулся.

— Платье к двенадцатому?

— К двенадцатому.

— Буду знать, кого искать.

Я стояла посреди кухни и улыбалась после того, как он вышел. Потом поймала себя за этим занятием и не стала одергивать. Спокойно прошла к зеркалу. Платье выглядело так же хорошо, как десять минут назад. Я повернулась боком, поправила рукав и наконец переоделась.

Вечером мы с Инной встретились у нее во дворе. Подруга выносила из дома стопку старых журналов, которые Сергей собирался использовать на пасеке, но пока только просил не выбрасывать. Утром она работала в библиотеке, днем перебирала книги, а теперь ей хотелось освободить хотя бы собственный стул.

— Он говорит, это нужное, — сообщила она. — Я не против нужного. Пусть нужное живет там, где им пользуются.

Я взяла половину стопки. Мы отнесли журналы на веранду, где Сергей обещал их забрать. Инна села, стянула с головы косынку и посмотрела на меня.

— Ты чего сияешь?

— Платье сегодня примеряла.

— Хорошее?

— Очень.

— Ну вот и носи. Только на свадьбе потом сиди, а не бегай к столам.

Я рассказала ей про Виктора. Не все, без подробного перечисления, кто куда посмотрел. Сказала, что вместе ездили за заказом, потом пили чай, что он приходил на теннис и умеет проигрывать, хотя старается этого не делать. Инна слушала, придерживая ногой дверь, которую качал ветер.

— Он тебе нравится? — спросила она наконец.

— Нравится.

Слово вышло без помех. Я сама прислушалась к тому, как легко его произнесла.

— Хорошо, — сказала Инна.

— И все?

— А что еще? Ты хочешь, чтобы я его расспросила?

— Нет!

— Тогда вот и все. Подожди, дверь поймаю.

Она встала, подложила под дверь тяжелый деревянный брусок и вернулась. Ни хитрой улыбки, ни рассказа, что она давно все знала. Мне стало спокойно.

— Только я иногда чувствую себя дурочкой, — призналась я. — Вот сегодня стою в платье, он смотрит, а мне хочется спросить: точно? И еще раз. А ведь я прекрасно знаю, что выгляжу хорошо.

— Так ты не про платье хочешь спросить.

Я помолчала. Инна не продолжила. Она смотрела в сторону огорода, где Сергей переставлял пустую бочку, и я поняла, что ее мысль уже занята другим.

— У нас опять спор про грядки, — сказала она. — Он хочет в следующем году еще одну. Я хочу эту убрать. Летом хочется хоть иногда к реке попасть, а не вести переговоры с кабачками.

— Уберите половину.

— Не надо мне сейчас половину. Я целиком хочу меньше.

Мы обе засмеялись. Потом обсуждали ее августовскую поездку к сестре. Инна еще не определилась с точными числами, но неделю собиралась провести там, и мы договорились, что ближе к отъезду решим, понадобится ли полить цветы. Сергей слышал только конец и крикнул, что цветы он прекрасно польет сам. Инна велела ему пока не передвигать бочку туда, где будет проход к свадебному столу.

Домой я шла по теплой вечерней улице. Телефон лежал в кармане, и мне хотелось написать Виктору. Не о коробке: с ней все было в порядке. Не о фонариках: Даша сама договорилась. Я остановилась возле своей калитки и набрала: «Восьмого вечером ходим к реке? Хочу проверить, действительно ли вечером лучше, чем утром».

Прочитала один раз и отправила. Убрала телефон, открыла калитку, дошла до крыльца. Ответ пришел прежде, чем я сняла обувь: «С удовольствием. В семь за вами. Обещаю не спорить с рекой».

Я написала: «Со мной тоже не всегда обязательно». Потом поставила телефон на стол, открыла окно и услышала, как за соседним забором Петр Павлович объяснял кому-то правила подачи. Мне вдруг захотелось посмеяться без всякой причины. Я удерживать себя не стала.

Глава 6. Берег на двоих

Восьмого июля я вышла к калитке без сумки, без списка и даже без пакета, который можно было бы предложить донести. Виктор уже ждал на другой стороне улицы. На нем была светлая рубашка с коротким рукавом, а в руке он держал две маленькие бутылки воды. Одну поднял, будто показывал пропуск.

— Это все, — сказал он. — Больше поручений нет.

— Вы так уверенно говорите, словно я вас обыскивать собиралась.

— Мало ли. Вдруг вы пригласили меня гулять, а сами приготовили сорок два бумажных цветка. По одному на гостя.

— Украшения вы уже увезли. Сегодня можете расслабиться.

Я заперла калитку и подошла к нему. Тень от домов легла поперек Луговой, и пыль под ногами уже не казалась горячей. На соседнем участке стучали друг о друга пустые ведра. Петр Павлович, не отрываясь от натянутого между столбами шнура, коротко кивнул нам обоим. Ему было некогда: шнур упрямо провисал посередине.

Мы прошли мимо. И я вдруг поняла, что заранее ждала какого-нибудь вопроса. Куда собрались, по какому делу, почему вместе. Никто не спросил. Виктор тоже не стал изображать, будто мы совершенно случайно идем в одну сторону. Подал мне бутылку, убрал свою в карман свободных брюк и спросил:

— На большой спуск или к иве?

— К иве. Там песок приятнее.

— Зато у большого спуска вода чище.

— Та же самая вода, Виктор. Она мимо ивы тоже протекает.

— Дно другое.

— Я сказала про песок.

Он повернул ко мне голову, и я заметила знакомую складку между бровями. До реки мы еще не дошли, а соревнование уже началось.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня ваш берег. В следующий раз мой.

— А следующий раз вы уже назначили?

— Пока место выбрал.

Он не отвел взгляда, и мне пришлось смотреть под ноги.

За последними огородами тропа сузилась. Виктор пошел за мной, придержал ветку, которую я отпустила, и негромко сказал:

— Вот теперь понимаю, о какой быстрой ходьбе вы говорили.

— Что-то не так?

— У вас намерение прийти раньше самой себя.

Я сбавила шаг. Однажды Даша заявила, что со мной не гуляют, а следуют за мной. Сейчас вспоминать это не хотелось.

— Вы отстаєте, сват?

— Нет. Просто я вас пока только со спины вижу.

Я остановилась так резко, что он едва не налетел на меня. Мы оказались почти вплотную. От его рубашки пахло чистой тканью и нагретым воздухом; у ворота открывалась полоска загорелой кожи. Я отступила на край тропы, пропуская его вперед.

— Теперь моя очередь смотреть.

— Что-то я сразу пожалел, что пожаловался.

К воде мы спустились рядом. Между ивой и кустами оставался ровный песчаный язык. Выше лежало старое широкое бревно, на котором сидели и переобувались. На другом берегу двое мужчин собирали удочки. Отсюда было не слышно, о чем они говорили; только иногда

до нас долетал смешок. Деревня оставалась близко, за спиной, но привычный вечерний шум здесь распадался на отдельные звуки.

Я сняла сандалии, поставила их на корень ивы и подвернула брюки. Виктор посмотрел на воду, потом на меня.

— Купаться не будем?

— Я сегодня гулять собиралась.

— Я тоже. Хотя место для купания проверять с берега нечестно.

— По колено проверим. Дальше я и без вас все знаю.

Он разулся и начал закатывать брючины. Получалось неравномерно: одна держалась аккуратным валиком, вторая немедленно сползала. Я, уже стоя в воде, следила за этим без всякой деликатности.

— Если вы сейчас скажете, что у большого спуска брюки не падают, я уйду, — предупредила я.

— Я ничего не говорю. Я занят.

Наконец он вошел ко мне. Вода после теплого песка показалась прохладной, а чуть дальше, там, где дно было совсем ровным, ласково обтекала икры. Я пошевелила пальцами ног и подняла облачко песка. Виктор остановился рядом, опустил ладонь в воду и плеснул себе на шею.

— Хорошо, — признал он.

— Повторите погромче. Я недостаточно отчетливо слышала.

— Хорошо у вас на берегу, Галина.

— И вечером неплохо, — признала я. — Только за утро все равно не уступлю.

Я заметила за его плечом маленькое движение. Моя правая сандалия медленно соскользнула с мокрого корня. Упала на бок, набрала немного воды, выправилась и неторопливо отплавилась вдоль кромки.

— Вот вам и хороший берег, — сказал Виктор.

— Не стойте. Ловите.

— Куда? Вы же ближе.

Мы оба сделали по шагу в одну сторону и перегородили друг другу дорогу. Я потянулась к сандалии, он одновременно протянул руку, наши плечи стукнулись. Сандалия получила волну и проплыла еще немного, к пологой песчаной отмели. Там было мельче, чем у нас под ногами, и ее уткнувшийся носок оставил на дне тонкую черту.

— Стойте здесь, — велел Виктор.

— Я сейчас сама.

— Галина, если мы оба будем ее догонять, она к вечеру дойдет до Озерска.

— Река туда не идет.

Он посмотрел на меня с таким возмущением, что я расхохоталась. Потом он все-таки остался на месте, а я обошла его, легко подхватила сандалию за ремешок и подняла над водой. С нее потекла длинная струйка.

— Сами велели стоять, а в итоге стоите вы, — заметила я.

— Руководящая работа требует гибкости.

Он забрал у меня мокрую сандалию, вышел на песок и поставил ее повыше, подальше от воды. Потом оглянулся.

— Я вам говорю, левую тоже надо перенести. Она смотрит вслед.

Я смеялась так, что пришлось присесть на корточки. Вода коснулась подвернутых брючин. Виктор протянул руку. Я взялась, хотя вполне могла подняться сама, и он помог мне встать без рывка, придерживая только до тех пор, пока я не выпрямилась. Его пальцы были широкими и теплыми. Мне захотелось не отпускать их сразу, и я не отпустила.

Мы постояли так несколько секунд. Он посмотрел на наши руки, потом на меня. Я первой разжала пальцы и вышла из воды, стараясь не торопиться. На песке еще лежало солнце. Мокрые ступни оставляли темные следы, которые быстро светлели по краям.

На бревне между нами хватало места для одной бутылки. Виктор положил туда свою, а потом взял обратно.

— А Дашу с собой берете? — спросил он.

— Иногда удастся выманить. Она говорит: только ненадолго, а потом первая предлагает еще посидеть. Но теперь ей и без меня есть с кем.

— Леша раньше тоже ворчал, когда я звал на реку. Особенно если Марина уже обещала ему поездку в Озерск. Я непременно считал, что река лучше.

— И объясняли почему?

— Обстоятельно. Он в это время искал чистую футболку для города.

Я засмеялась, представив серьезного Виктора перед мальчишкой, которому и река, и все ее достоинства известны с рождения. Он покрутил крышку бутылки.

— У нас после развода так и шло какое-то время. У меня одна правильная жизнь, у Марины другая. А Леша ездил туда и сюда и старался ничего не забыть. Хорошо хоть мы довольно быстро перестали спрашивать, где ему больше нравится.

— А потом?

— Потом я однажды нашел у себя его пакет с носками. Большой, как на всю роту. Спрашиваю: зачем столько? Он говорит: чтобы не возить. И я понял, что надо просто оставить в покое его носки. А где провести вечер, пусть сам выбирает.

— У нас Николай в другой район уехал, — сказала я. — Встречались они с Дашей реже. Я тогда очень старалась сделать так, чтобы она ничего не потеряла. Даже то, что ей не особенно требовалось. Он обещал поехать с ней в город и не смог, а я на следующее утро уже тащила ее на автобус. Даша хотела дома посидеть, а я доказывала, что у нас все будет не хуже.

— Ей или себе?

Я повернулась к нему. Вопрос был короткий и неприятно точный, но он не смотрел на меня победителем.

— Наверное, себе, — признала я. — Только не надо сейчас делать такое лицо, будто вы все это давно поняли.

— Я про носки вспомнил.

— Тогда ладно.

В реке что-то негромко плеснуло. Мне нравилось, что Виктор не спешил заполнять паузу вопросами. Я сама продолжила:

— Мы с Николаем не каждый день ссорились. Могли неделю прожить вполне мирно. Он вечером что-нибудь мастерил для себя во дворе, я в доме возилась, Даша занималась своим. Только потом выяснялось, что он уже решил, как проведет выходные, а я уже решила, чего от него хочу. Встретились два готовых решения и стоят, смотрят друг на друга.

— Знакомо, — сказал Виктор.

— Я не скажу, что он мне жизнь испортил. У нас было хорошее. Но когда разошлись, я перестала ждать, что он наконец догадается, и мне стало легче. А потом привыкла, что договариваться почти не с кем. С дочерью это все же другое.

Он провел ладонью по бревну рядом с собой, стряхивая песок.

— А я после развода долго радовался, что можно оставить вещи где хочется. Особенно на столе. Марина любила, чтобы стол был пустой. Я считал, что дома должен быть живой человек, а не выставка мебели.

— Сейчас у вас завал?

— Сейчас я сам убираю со стола. Оказалось, тарелку куда-то надо ставить. Досадное открытие.

Я снова засмеялась. Он улыбнулся мне и добавил, уже не шутя:

— Мы с ней не только из-за стола разошлись. Я в любом разговоре умел найти, в чем я прав. Очень утомительное качество, когда с этим человеком живешь. И сам устаешь, но остановиться трудно.

— В теннисе я заметила.

— В теннисе я еще сдерживался.

— Зря. Может, выиграли бы.

Он прищурился, и я приготовилась к спору, но Виктор только покачал головой. Его плечо почти касалось моего. Можно было бы слегка отодвинуться и снова говорить про реку. Я осталась на месте.

— Хорошо, что вы написали, — произнес он.

Я посмотрела на его руки. На одной костяшке налипла крошечная песчинка. Мне захотелось смахнуть ее пальцем, но я почему-то медлила, хотя совсем недавно держала его за ладонь без всяких сомнений.

— Я подумала, что до свадьбы мы можем гулять и без коробок, — сказала я.

— А после?

— А после коробки придется вернуть.

Он коротко рассмеялся, а я наконец повернулась к нему. Виктор сидел близко. В серых глазах уже не было насмешки. Он чуть наклонился ко мне, не сразу, так, что я могла отстраниться. Вместо этого я сама подалась навстречу. Почувствовала, как его пальцы легко коснулись моей руки на бревне, и совершенно некстати подумала о мокрой сандалиии.

— Только не говорите, что у большого спуска это тоже лучше, — выдохнула я.

Виктор замер. Уголки его рта дрогнули.

— Я еще не сравнивал.

Я представила нас обоих на другом берегу, с важными лицами проверяющих результат, и прыснула прямо ему в рубашку. Он засмеялся следом, опустил голову и на секунду прижался лбом к моему виску. Поцелуя не получилось. Я слышала его смех так близко, что он отдавался у меня в груди. Потом мы оба выпрямились, и стало неловко заново, но уже иначе.

— Вот теперь я ничего не скажу, — пообещал Виктор.

— Вы и в прошлый раз так говорили.

Мы не стали немедленно повторять попытку. Посидели рядом, пока солнце не ушло с песка. Потом я вытряхнула остатки воды из сандалиии, надела ее и сделала пробный шаг. Подошва смачно хлюпнула.

Виктор с уважением посмотрел вниз.

— Она будет высказываться всю дорогу?

— Имеет право. Мы ее тут забыли.

Он подал мне руку, когда я поднималась по крутому участку тропы. Наверху мы разошлись на полшага, но пошли медленно, не обгоняя друг друга. У моего дома он остановился, посмотрел на калитку и потом снова на меня.

— Я вам завтра позвоню. Просто так, можно?

— Можно, — ответила я. — Только не с отчетом о состоянии берегов.

Дома я прошла на кухню. Даша сидела за столом, наклонившись над телефоном, и допивала чай. Я взяла вторую чашку, устроилась напротив. Дочь спросила, теплая ли река.

— Хорошая, — ответила я. — Завтра утром пойду плавать. Хочешь со мной?

Она посмотрела на часы.

— Если успею до автобуса. Только не заставляй вставать совсем рано.

Я открыла печенье, подвинула ей пачку. Разговаривали мы долго. Когда по улице прошел последний автобус, мы все еще сидели на кухне.

Глава 7. Накануне чужого счастья

Одиннадцатого июля Даша три раза перенесла свою дорожную сумку из комнаты в прихожую и обратно. После третьего раза я встала у нее на пути с тазом чистого белья.

— Если она должна похудеть к свадьбе, бесполезно. Сумки от ходьбы не уменьшаются.

— Она мне мешает.

— В комнате или в прихожей?

Даша посмотрела на сумку, потом на меня и вдруг засмеялась. Села прямо на нее, придерживая ладонями колени. Волосы у нее были собраны кое-как, а в ладони остались три невидимки.

— Mam, у меня все готово. Вообще все. А я постоянно думаю, что забыла самое главное.

— Лешу?

— С ним с утра говорила. Он тоже все собрал.

— Тогда отнеси сумку в комнату. Сегодня она отсюда никуда не едет. И садись завтракать, пока у нас есть свободный стол.

Стол действительно был почти свободен: две кружки, тарелка, пакет с лентами и телефон. Еще вчера на нем лежали списки, а теперь дела постепенно расселились по людям. Инна отвечала за свой участок и не позволяла никому перетаскивать столы без нее. Сергей обещал проверить тент. С едой все было согласовано заранее; часть готового должны были привезти завтра, остальное делили между несколькими взрослыми людьми, способными отличить тарелку от венка. Мне не предстояло встречать свадьбу у плиты, и я не собиралась изобретать себе такую обязанность.

Я убрала белье, села напротив дочери и намазала хлеб маслом. Даша внимательно посмотрела на меня.

— Ты правда ничего больше готовить не будешь?

— А ты хочешь?

— Нет. Я просто помню, как у нас бывало: все есть, но надо еще что-нибудь, вдруг не хватит.

Я откусила хлеб, чтобы не отвечать сразу. В этом я узнавала себя без удовольствия. Приготовить лишнее мне было легче, чем сидеть и верить, что все уже хорошо.

— Завтра я хочу посмотреть, как ты выходишь замуж, — сказала я. — Потом посидеть рядом с людьми. Потом потанцевать. В списке нет ночной смены.

— Отлично, — ответила Даша. — Потому что если бы ты начала, я бы тоже не смогла просто сидеть.

Она не стала меня обнимать или благодарить. Пододвинула тарелку и выбрала себе самый поджаристый кусок. Завтра она будет в белом платье, а сегодня ела, поджав под себя ногу, и рассуждала, куда поставить сумку. Мне вдруг захотелось, чтобы утро потянулось еще немного.

Телефон завибрировал. Николай написал, что они с Натальей уже подъезжают к Бережкам. Я показала сообщение дочери. Даша вскочила, убрала со стола две вещи, тут же вернула одну и побежала переодеваться. Я не стала следовать за ней. Допила чай, вытряхнула хлебные крошки из скатерти и открыла калитку.

Бывший муж выбрался из машины с букетом, который, судя по смятому боку, ехал в обнимку с ним. Наталья вышла следом и сразу забрала у него плоскую длинную коробку.

— Эту я, — сказала она. — А ты носи цветы.

— Я могу обе вещи.

— Ты уже показал на стоянке.

Николай хотел что-то возразить, заметил меня и улыбнулся. Мы поздоровались, неловко потянулись одновременно то ли обняться, то ли пожать руки и в конце концов просто косну-

лись друг друга плечами. Когда-то его рост и манера чуть наклонять голову были для меня самыми привычными вещами. Сейчас я заметила только новую рубашку, тесноватую у ворота.

— Доехали нормально? — спросила я.

— Хорошо. Только букет пристегнуть забыли, — ответила Наталья.

— Ничего ему не сделалось.

— Коля, у него теперь перед и зад.

Из дома выскочила Даша, и Николай развернул букет хорошей стороной. Она обняла отца, потом Наталью, и мы все вместе прошли во двор. Коробку поставили на стол в саду. Там оказалось большое зеркало для Дашиного стола, которое она сама выбрала по фотографии и успела забыть, что оно приедет именно сегодня.

— Мы его пока не будем в комнату заносить, — сказала я. — У нас там сумка путешествует. Пусть постоит в коробке.

Даша рассмеялась, а Николай принялся вытаскивать зеркало: ему хотелось показать, что подставка поворачивается. Наталья пыталась удержать упаковку, я ловила тонкие листы бумаги, которые разносил ветер. В итоге зеркало все-таки встало на стол, отразив главным образом яблоню и кусок неба.

— Вот, — сказал Николай. — Можно под любым углом.

Даша наклонилась посмотреть на себя. Николай решил помочь, повернул подставку, и в зеркале немедленно оказалась я с пучком упаковочной бумаги. Потом Наталья. Потом снова яблоня.

— Пап, я сама умею голову двигать.

— Да я только показываю.

Он отступил. Даша поправила зеркало двумя пальцами, посмотрела и довольно кивнула. Я собрала бумагу в коробку и поставила ее под стол. Мы уселись в тени. Николай спросил про завтрашний выезд в Озерск. Даша сама назвала время, объяснила, где они встретятся перед регистрацией. Я не стала добавлять уточнений.

— А мы в Озерске номер взяли, — сказала Наталья. — Сегодня еще съездим заселиться. Завтра будем прямо там.

— Я хотел здесь у знакомых остановиться, — сообщил Николай. — Но потом решили, что так проще.

Николай попросил Дашу показать платье. Она засомневалась, глянула на меня. Я пожала плечами: ее платье, ей решать. Через минуту дочь принесла чехол и приоткрыла молнию. Отец встал, посмотрел на белую ткань и почему-то сразу убрал руки за спину.

— Красивое, — сказал он. — Простое такое. Тебе пойдет.

— Уже идет, — поправила его Наталья.

Даша улыбнулась. Я в этот момент заметила, что слишком крепко держу спинку стула, и разжала пальцы. Николай тоже говорил не все, что мог бы, и я была ему за это благодарна. Он постоял перед платьем, тихо потрогал край чехла и спросил, удобные ли туфли.

— Удобные, — сказала Даша. — Мы их уже испытали.

Ближе к обеду они собрались в Озерск. Поест у нас отказались: хотели обедать уже в городе. На прощание Николай еще раз обнял дочь. Меня попросил завтра не забыть телефон, потому что вдруг придется созвониться. Я показала на карман.

— Он у меня прижился, Коля. Не волнуйся.

— Я по привычке.

— Я тоже.

Мы улыбнулись друг другу. Я закрыла за ними калитку, а Даша понесла в дом свое зеркало. На этот раз подставку никто не поправлял.

После обеда мы сходили к Инне. Тент уже стоял, ткань ровно лежала над столами, в тени было просторно. Даша прошла между рядами, остановилась там, где завтра будут сидеть они с Лешей, и потрогала спинку стула.

— Хорошо. Ничего больше не надо.

Мне хотелось добавить по букету на края, а место у забора занять еще одной скамейкой. Я даже повернулась в ту сторону. Потом посмотрела на дочь и осталась где стояла. Инна спросила про фонарики. Я ответила, что Виктор принесет вечером: несколько небольших, на батарейках, как выбрали молодые. У меня была лента для петель; завтра все вместе привезем сюда до выезда. Подруга кивнула, а мы отправились домой.

Обратно дочь шла медленно. На повороте остановилась, пропуская трактор, и неожиданно взяла меня под руку.

— Мам, а ты завтра не будешь все время на меня смотреть?

— Буду. Я ради этого наряжусь.

— Я серьезно. Ты иногда смотришь так, будто мне сейчас надо сделать что-нибудь очень правильное.

Я хотела сказать, что это неправда. Потом вспомнила, как только что сама повернулась к свободному месту у забора, чтобы улучшить то, что дочери уже нравилось.

— Постараюсь не подсказывать глазами, — ответила я. — Но смотреть буду. Мне интересно.

Она прижалась плечом к моему плечу и пошла дальше. На улице пахло скошенной травой. За чьим-то забором звякнула лейка, из открытого окна донеслась музыка. Все вокруг занимались обычными делами, и только у нас завтра начиналось что-то, для чего Даша не находила места своей сумке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.